

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 39 (818)

15 июля 1939 г., суббота

Цена 30 коп.

ВОСПОМИНАНИЯ

АНДРЕЙ ЛЕСКОВ

«Написать очерк характерного лица — дело очень трудное и «мастеровитое», — внушал Н. С. Лесков одному маленькому, «книдавшемуся по верхам журналистики» литератору, метко окрещенному Б. В. Варнеке «литературно приживалкой».

Но, пожалуй, еще труднее дать что-нибудь ценное о таком лице в маленькой юбилейной заметке. А между тем стало каноническим, что в отзывах и воспоминаниях о крупном человеке нет незначительного, не заслуживающего сбережения от «тлена», от забвения.

Это обязывает каждого, не стыдясь неумения, правдиво и просто рассказать все, что выпало на его долю слышать, узнать или лично запечатлеть о ком-либо из «больших людей».

Попытаюсь дать, что могу, об умершем 35 лет назад Чехове.

Начну с известных мне отзывов о его таланте моего отца, Николая Лескова, человека неукротимого темперамента, больших неровностей в настроениях, но непоколебимо стойкого в самоотверженной любви к литературе, горячо радовавшегося каждому новому талантливому произведению, появлению каждого нового дарования. Поищу во временном порядке.

«В числе молодых беллетристов есть люди с хорошими дарованиями и тоже с здоровым реальным направлением. Говоря это, хочется назвать г. Гаршина, который пишет прекрасно и который далеко еще не достиг предела полного развития своего таланта. За ним, может быть, следовало бы упомянуть Короленку и молодого писателя Чехова, начинающего писать в том же реальном направлении. Еще никому не явлено ясно, чего эти люди достигнут, если станут трудиться, имея, между прочим, графа Толстого для себя образцом, а не пугалом... Их достаточно судить только с той стороны: делают ли они из своих дарований наилучшее употребление, какое избрать могут. Стараться же разочаровать их до потери всякой веры в себя — это не полезное, а вредное дело со стороны критики». («Новости и бирж. газ.», 1886 г., № 151, изд. I-е. Упрек направлен против «нововременского» ругателя, В. П. Буренина, который «дрался Толстым», уничтожительно сопоставляя силы начинающих писателей с гением Толстого).

«Я иногда тороплюсь радоваться, что приходит к делу новый человек со вкусом, умением и пониманием того, для чего стоит писать; но я не всегда ошибался: я первый (кажется) гласно указал на Чехова, на Яковлеву и на Вас, и раньше многих заскорбел молча об удивительном для меня упадке сил в Короленку. Я не думаю, чтобы я увлекался моею любовью к литературе до того, чтобы делать слона из мухи. Захваливать новичка, конечно, можно, и это сделано с несколькими слабыми людьми (напр. Бажин, Ясинский и т. д.), но в ком есть вкус и творчество, тот не так легко повреждается. Яковлева может писать превосходно, м. б. не хуже «Мимочки», а ее простудили ни за что и ни про что». (Письмо к М. О. Меньшикову, 29 июня 1893 г. «Мимочка» — Л. И. Веселитская, псевдоним «Микулич», автор повести о «Мимочке»).

В письме к А. И. Фаресову от 16 сентября 1893 г. Лесков пишет:

«И мы об этом писателе более говорить не будем, точно так же, как не говорим о «Палате № 6», которую я почитаю за прекрасное произведение, а Вы — за очень плохое».

О «Палате № 6» Лесков решил не говорить больше с Фаресовым после, так записанного последним, спора:

Я. (т. е. Фаресов). Мне хотелось бы и самому посмотреть на повесть Чехова как на крупное, выдающееся произведение.

Лесков. Что же вам мешает?

Ф. Не знаю, что в ней хвалить... Доктор — тот же разучившийся медицине доктор в «Трех сестрах», тот же циник-доктор с рюмкой в руке в «Дяде Ване», и тот же «Иванов» с проповедью об умеренности идеалов. Эти «вересаевские» доктора переполняют не палаты умалишенных, а во множестве — городские и земские больницы. Каждый из них — как давно затасканный в литературу и праздно болтающий на готовом содержании «лишний человек».

Л. Они олицетворяют провинцию.

Ф. Они и ранее, до «Палаты № 6», не представляли собою умных людей. Одно повторение упадочного человека.

Л. А это разве не важно — как добрый и образованный человек падает и погибает в провинции? За одну фигуру безжалост-

ного сторожа Никиты рассказ Чехова надо редактору хватать обеими руками.

Ф. Конечно, его нельзя не напечатать. Но он неважный.

Л. За границей он стал бы выше монашановских. Он делает честь любой литературе и, если такими рассказами не удовлетворяются, то уж извините: не так мы богаты... Разве не важно, что по природе добрый человек ничего не делает в провинции, что он не может выпрямиться во весь рост, а все ходит согнувшись?

Ф. Да он и не думает выпрямляться.

Л. Откуда же я взял его таким? Ведь я из повести вынес такое впечатление! В «Палате № 6» в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Вскочу — палата № 6. Это — Россия... Чехов сам не думал того, что написал (он мне говорил это), а между тем это так. Палата его — это Русь!

«Этот торжественный отзыв Лескова о Чехове не был исключительным настроением», — заканчивает Фаресов свою, сильно сокращенную здесь, хранящуюся у меня запись.

Вообще все приведенное мною, может быть, сотая доля того, что говорил Лесков в своем кабинете о крепко по сердцу пришедшемся ему младшем собрате по ремеслу.

«Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида. Пиши!», заповедал он Чехову в октябре 1883 г., едучи с Антоном Павловичем ночью по Москве.

В этом «помазании на ты» вылилось не более того, что легко могло быть высказано и в дневной беседе и «на вы», и без участия «лозы виноградной». Расположение крепко на завершеном признании несомненного таланта, оценка которого росла, а продолжавшийся расцвет радовал.

Встретиться с Чеховым у отца, умершего в 1895 году, мне не случилось.

Зиму 1898/99 гг. я жил в Ялте. Часто дожило. Шоссированные улицы кисли. Раз в неделю в городском клубе танцевали, в остальные дни там же тоскливо «винтили». Цитаделью умственных интересов была табачно-книжная лавка Синаи. Торговля одними книгами в «жемчужине» Крыма, в наиболее, казалось бы, интеллигентном его городе, была статьей ненадежной. Жизнь шла дремотная, зоологическая...

И вдруг — взрыв бомбы: Чехов! Приехал зимовать Чехов! Поселился у Иловайской на Аутской. Бывает у начальницы женской гимназии Харкеевич... Вся и все насторожилось.

Подходил новый, 1899 год. Встречать его, по мысли милой, литературолюбивой начальницы женской гимназии, Варвары Константиновны Харкеевич, сговорились на «товарищеских началах» в зале этой гимназии.

Собралось подлинное «третье сословие», настоящая трудовая интеллигенция скудного ею городка наезжей чванной знати и местных торгашей. Тут я и познакомился уже лично с Чеховым.

После ужина, после множества обычных тостов общество разбрелось. К группе, в которой стоял я, подошел Антон Павлович. После двух-трех фраз, не сбереженных памятью, он спросил — как относился мой отец к Суворину? Я отвечал, что, при всей неустойчивости их отношений, обострившихся временами до полной враждебности, он считал того человеком в основе не злым, даже скорее добрым, искренним, доступным и горячим порывам и движениям, но постепенно ставшим «деньголюбивым» и, благодаря дрянному окружению, сделавшимся способным на поступки много ниже его природных свойств.

— Вот, так и я считаю. Сам он не злой человек. Это Николай Семенович верно говорил. Деньги его, конечно, испортили, но главное — эта ужасная нововременская камарилья! Это ужасное окружение! Эти Буренины, Геи, Масловы, Сыромятниковы... и т. д. Он невольно поддается их влиянию. Они развращают и его, и всю редакцию, и газету, и читающую ее публику. И как это ни досадно, но все это неустранимо.

— А каковы были последние минуты Николая Семеновича?

Я рассказал.

— Да, мне, знаете, и то удивительно,

как долго он одолевал свою страшную болезнь, свою «жабу» при его вяло работавшем, жирном уже, сердце.

Тем временем стол, за которым мы трапезовали и слушали спичи, исчез. Кто-то сел за рояль, заскользили пары.

— Андрей Николаевич, — мягко улыбуясь, сказал Чехов, — я видел в клубе... Вы большой мастер в этом искусстве... Пожалуйста, уж продемонстрируйте его нам и здесь с грациозной NN.

Через несколько дней я завтракал — с Чеховым — с доживавшим век в Ялте бывшим тенором московского Большого театра Усатовым и еще с кем-то у «Екатерины второй», как прозвали тогда Капитолину Михайловну Иловайскую, которая, однако, была несравненно «породистее» и красивее ангальт-цербтской немки.

Беседа не выходила из рамок пестроты, неизбежной в малосплоченном обществе. Пока мы вкушали прекрасные яства, орошая их «добрым» вином, ясный с утра день исподволь померк, и в широкие окна красивой столовой застучал дождь.

Кто-то стал честить ялтинский климат, полагаясь на который, выйдешь, мол, из дому без калош, а потом клянешь судьбу.

— Да, вот, без калош, это, конечно, нехорошо. — откликнулся Чехов. — А так вот, вообще, я, например, люблю такую погоду: одеть пальто, исправные калоши, старенькую шапку... и идти себе, не спеша, без цели... Хорошо! Дождь моросит, на безлюдных улицах тихо, спокойно... Ничто и никто не отвлекает, не мешает думать... Хорошо думается под дождем... Хорошо!

Так и пошло с тех пор: какая погода? — да «чеховская»!

День-два спустя в передней раздалась знакомая, оживленная речь Варвары Константиновны:

— А я с Антоном Павловичем. Захотел прийти к вам. Сейчас поднимется, не запирайте дверей — он с кем-то внизу встретился.

Он и в самом деле появлялся уже на пороге. Так просто и мило мог поступать только человек простого и милого сердца. Он им и был везде, всегда, во всем. Пау-мительный это был дар, дар простоты!

Оказалось, что «женская гимназия», как шутя называл Чехов в письмах Харкеевич, нарасказала ему, как мы чуть-чуть не разыграли раз в городском театре, в пользу недостаточных ее гимназисток, «Иванова», со мною в заглавной роли (спектакль был отменен едва не в его канун), о других моих сценических в том же театре выступлениях и об общем тяготении к сцене.

Антон Павлович сразу же всеми силами захотел помочь мне поступить в «Художественный театр», предложил ряд рекомендаций и т. д. Конечно, я был растороган до глубины души.

Не помню, в связи с чем, в одно из следующих наших свиданий он вдруг совершенно серьезно сказал: «А то вот еще хорошо — пьесы писать. Попробуйте. Это очень увлекает и, право, не так уж трудно, как думают».

Скромный в оценке своих сил, он, видимо, искренно не исключал возможности их в той же мере в других.

В середине января я выехал в Москву, снабженный письмами Антона Павловича, призывавшими «оказать содействие» осуществлению «актерских» моих планов.

Актером я не стал. «Простудили». Сцена от этого, должно быть, ничего не потеряла. А вот я, не нашедший в себе чеховской простоты, чтобы открыто и просто поделиться с Антоном Павловичем некоторыми, нежданно охватившими меня на первых же шагах ощущениями, я потерял очень много, не сумев сберечь так счастливо сложившихся было отношений с ним и, как улитка, спрятавшись в свою «простуду».

Больше мы не видались.

И как больно и стыдно мне стало, когда, много лет спустя, уже после смерти Антона Павловича, я прочел в собрании его писем, как тепло, радушно и заботливо писал он обо мне своим родным, кое-кому из театрального мирка и даже из его Олимпа!..

Кончаю. На некротом жизненном пути случалось встречать хороших и даровитых людей.

Гармоничное сочетание ума, таланта и сердца привелось видеть раз — в Антоне Павловиче Чехове.

Это было всегда взволнованно вспоминаемое мною чарующее воплощение духовного «изыщества», совершенный «союз истины и добра».

Комментарий

Лесков Андрей Николаевич (1866–1953) – военный деятель и прозаик. Сын Н.С. Лескова и его биограф, автор книги «Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям» (первое посмертное издание – 1954 г.).

«Написать очерк...»... «литературною приживалкой». — Цитата из письма Лескова от 7 июля 1893 г. к А.Н. Фаресову (1852–1928) – писателю, публицисту, революционеру. В письме речь идет о статье Фаресова «Воспоминания об А.Н. Энгельгардте».

Варнеке Борис Васильевич (1874–1944) — филолог-классик, историк театра.

Буренин Виктор Петрович (1841–1926) — литературный и театральный критик, публицист, фельетонист, сотрудник газеты «Новое время». В литературной полемике не ограничивал себя соображениями этического порядка (например, обвинял поэта С.Я. Надсона в симуляции чахотки) и со временем приобрел репутацию одиозного критика.

Яковлева (урожденная – Ланская) Надежда Владимировна (1839–1914) — писательница и журналистка. Реплика Лескова «простудили», возможно, – намек на проблемы, которые Яковлева испытывала после публикации романа «Лавры и тернии» о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (книга вызвала недовольство в правящих кругах и была запрещена к выдаче в крупнейших российских библиотеках).

Бажин Николай Федорович (1843–1908) — писатель, литературный критик.

Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931) — писатель, поэт, литературный критик, переводчик, мемуарист. Автор книги воспоминаний «Роман моей жизни» (1926), в которой есть воспоминания о Чехове. По мнению А.С. Мелковой – в 1909 г. именно Ясинский под псевдонимом Фидэль выпустил книгу «Новая книга о Чехове (Ложь в его творчестве)» (см. Мелкова А.С. Судьба таланта: Чехов и «500 литературных Яго» // Чеховиана. Чехов: взгляд из XXI века. М.: Наука, 2011. С. 402–430).

Веселитская Лидия Ивановна (1857–1936) — писательница, переводчица. Публиковалась под псевдонимами «В. Микулич» и «Л. Чернавина». Автор трилогии «Мимочка», повестей, рассказов и книги воспоминаний «Встречи с писателями» (1929). Была знакома с Чеховым, в архиве писателя сохранилось шесть писем Веселитской.

Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) — общественный деятель, журналист, литературный критик, ведущий публицист газет «Неделя» и «Новое время». Был знаком с

Чеховым, состоял с ним в многолетней переписке (сохранилось 48 писем и телеграмм Чехова и 63 письма и телеграммы Меньшикова).

...«вересаевские доктора»... — имеются в виду эмоционально и идейно опустошенные персонажи-врачи из произведений писателя, литературоведа, переводчика, врача В.В. Вересаева (1867–1945): «Товарищи», «Без дороги», «Поветрие».

«Помазую тебя елеем...»... ночью по Москве. — Между 15 и 28 октября 1883 г. Чехов сообщал брату Александру: «...приезжал... мой любимый писака, известный Н.С. Лесков. <...> Еду однажды с ним ночью. Обращается ко мне полупьяный и спрашивает: – «Знаешь, кто я такой?» – «Знаю». – «Нет, не знаешь... Я мистик...» – «И это знаю...» Таращит на меня свои старческие глаза и пророчествует: – «Ты умрешь раньше своего брата». – «Может быть». – «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши». Этот человек похож на изящного француза и в то же время на попа-расстригу. Человечина, стоящий внимания». Реплика Лескова – отсылка к ветхозаветной легенде о помазании пророком Самуилом Давида, второго царя народа Израиля (Первая книга Царств 16:13).

Синани Исаак Абрамович (1855–1912) — владелец книжно-табачного магазина «Русская избушка», находившегося в здании гостиницы «Франция» на ялтинской набережной (дом не сохранился).

Приехал зимовать Чехов! — Чехов приехал в Ялту 18 сентября 1898 г. Жил на даче Н.Н. Бушева (ныне – ул. Севастопольская, 12/43), в середине октября переехал на дачу доктора Иванова.

Иловайская Капитолина Михайловна (1847–1913) — хозяйка ялтинской дачи «Омюр», где Чехов жил с 23 октября 1898 по 10 апреля 1899 гг. (ныне – улица Кирова, д. 32).

Подходил новый 1899 год. ~ ...в зале этой гимназии. — Возможно, это была не встреча нового года, а именины В.К. Харкеевич. В письме сестре М.П. Чеховой от 6 декабря 1898 г. писатель сообщает: «...третьего дня вечером я был на именинах у Варв<ары> Конст<антиновны>. Торжество происходило не в квартире, а в актовом зале. Танцевали, ужинали. Девиц и дам было несравненно больше, чем мужчин, было два попа, директ<ор> мужск<ой> гимназии. Тупиков за ужином, со свойств<енной> ему важностью, сказал длинную речь по моему адресу, после чего я дал себе слово уже больше никогда не ходить в Ялте на ужины».

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — издатель, журналист, театральный и литературный критик, беллетрист, драматург. Редактор газеты «Новое время» в 1876–1912 гг.

...ужасная нововременская камарилья. — В 1860–1870-е гг. газета «Новое время» была печатной трибуной либеральной направленности, при Суворине издание приобрело репутацию охранительного, консервативного, отличалось неэтичной критикой литераторов, юдофобскими публикациями и т.п., с чем и связан отзыв Чехова в передаче А.Н. Лескова об издании в целом и о некоторых его сотрудниках. Чехов действительно был склонен дифференцировать мнения публицистов «Нового времени» и позицию Суворина в начале общения и переписки с ним (например, в письме к брату Александру от 7 или 8 сентября 1887 г.), однако со временем разочаровался в Суворине и в письме к брату М.П. Чехову от 22 февраля 1901 г. писал: «“Новое время” в настоящее время пользуется очень дурной репутацией, работают там исключительно сытые и довольные люди... Суворин лжив, ужасно лжив, особенно в так называемые откровенные минуты, т. е. он говорит искренно, быть может, но нельзя поручиться, что через полчаса же он не поступит как раз наоборот».

Гей Н. — псевдоним Богдана Вениаминовича Геймана (1848–1916), журналиста, секретаря редакции газеты «Новое время».

Маслов Алексей Николаевич (1852–1922) — инженер, участник военных походов в Среднюю Азию и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., писатель, журналист. Публиковался под псевдонимом А. Бежецкий. В «Новом времени» отвечал за освещение военных вопросов.

Сыромятников Сергей Николаевич (1864–1933) — писатель, журналист, один из ведущих сотрудников газеты «Новое время».

Усатов Дмитрий Андреевич (1847–1913) — известный тенор, один из учителей Ф.И. Шаляпина. Последние годы проживал в Ялте, был гласным городской Думы.

– *Да вот без калош это, конечно, нехорошо... Хорошо!* — В личном экземпляре сборника «А.П. Чехов в воспоминаниях современников» (М.: Гослитиздат, 1947), где были опубликованы и воспоминания А.Н. Лескова, И.А. Бунин на полях возле этого отрывка оставил помету: «Это чеховский язык?» (ОР РГБ. Ф. 429. К. 3. Ед. хр. 31. Л. 160 об.). Воспроизведение прямой речи Чехова в мемуарной литературе – спорный аспект воспоминаний о писателе. Например, Бунин в том же личном экземпляре сборника «А.П. Чехов в воспоминаниях современников» сопровождает прямую речь Чехова в передаче К.С. Станиславского («У него же клетчатые панталоны и деревянные башмаки... Клетчатые же панталоны... Послушайте, я же не могу так... Вот, послушайте же...») подчеркиваниями многочисленных «же», и делает вывод: «Это “же” нестерпимо! Чехов не говорил так. <...> Если бы Чехов действ<ительно> так говорил, его можно было возненавидеть» (ОР РГБ. Ф. 429. К. 3. Ед. хр. 31. Л. 22 об. Л. 26).